

взял, умышляя во уме: „Хотя, де, един после меня и поедет, ин, де, ево иноземцы убьют“. Он в дощениках плыл с ружьями и с людьми, а я, месяц после ево спуста, набрал болных и старых и раненых, кои там негодны, человек с десятков, да я з женою и детьми — 17 нас человек, в лодку седши, уповая на Христа, и крест поставили на носу, поехал, ничево не боясь. Кормчию книгу прикащику дал, и он мне мужика вожа кормщика дал здорова... Прикащик мучки дал на дорогу гривенок с тритцеть, да коровку, да овечек с 5, 6, мяско иссуша; тем лето питалися пловучи» (Б, 117—118).

Пашков выступает в этом повествовании как законченный злодей, давно помышлявший о смерти Аввакума. И одновременно Аввакум использует этот рассказ для создания атмосферы особого покровительства «божия», которым он, безоружный и беспомощный, пользовался во время этого путешествия. И снова — общественная поддержка: Пашков замышлял зло, а приказчик помог.

Из текста Прянишниковского списка выясняется, что именно Пашков, а не приказчик, снабдил Аввакума и его семью продовольствием: «Перемена ему пришла, и мне грамота пришла, а преже тово грамота пришла, и он от меня утаил, на Русь меня не отпустил, чаял меня прикончатъ. И злобящися на меня, оставил в Даурской земли, а сам поехал в Рускую землю, умышляя во уме: „Хотя, де, он после меня и поедет, инь, де, ево иноземцы убьют“. Но божим промыслом, на поезде с сердца дал мне с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил. И жена моя корову доила с дочерью, а я с меньшим сыном, что мученик Мамаит козы дояще, и накопили на дорогу сыров, и насушили мяса коровья, и овечья, и козья. Он, Пашков, в дощаниках плыл с людьми и с ружьем. А я, спустя недель с десятков, ... набрав больных и старых и раненых...» и т. д. (325).

Этот рассказ, по-видимому, больше соответствует действительности и характеру воеводы Пашкова, и таким образом, непоследовательность Прянишниковского списка в изображении Пашкова — «документального» происхождения.

Для точно датированных редакций Жития Аввакума — А и В — можно отметить явную тенденцию усиления черт злодейства в облике Пашкова, его все более сильную «агиографическую» стилизацию. Так, в редакции В по сравнению с А, которая в общем совпадает с текстом Б, приведенным выше, есть новая подробность: Пашков не только «умышлял в уме», но, оказывается, и вслух говорил «на поезде»: «„здесь, де, земля не взяла, на дороге, де, вода, у меня приберет“. Среди моря бы велел с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадел» (В, 191). Аввакум, таким образом, в новой редакции (В) прямо инкриминировал Афанасию Пашкову угрозу убийства, о которой раньше в редакции А (и Б) ничего не писал. Здесь уже были неуместны воспоминания о том, что Пашков перед отъездом дал ему «с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил». И фигура Пашкова — «доброхота», на долю которого теперь осталась только черная краска, была заменена приказчиком. Первоначальность Прянишниковского списка здесь налицо.

Но самые примечательные и важные отрывки Прянишниковского списка, которые, безусловно, отражают первоначальный текст Жития — это такие отрывки, где есть пояснения событиям, отсутствующие в других редакциях.

Так, во всех редакциях Жития Аввакум сообщал о своей отправке из Тобольска на Лену следующее: «... Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь